

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБЫТЬ

Сегодня исполняется 24 года со дня смерти Алексея Максимовича Горького, великого советского писателя, человека, чье имя всегда будет с гордостью вспоминать наш народ. Главный режиссер русского Республиканского театра драмы А. И. Лакшин, работая в 30-е годы в МХАТе, несколько раз был свидетелем посещений Алексеем Максимовичем Художественного театра. Об этих незабываемых встречах А. И. Лакшин рассказывает в помещенных ниже заметках.

Горький горячо любил Художественный театр, воплотивший в жизнь давнюю мечту писателя о ярком, подлинно жизненном, глубоко правдивом театральном искусстве. О работе великого писателя для МХАТа, о многолетней его творческой дружбе с руководителями театра, его артистами, можно было бы написать очень много. Но сейчас я хочу только

очень кратко рассказать о нескольких на всю жизнь запомнившихся мне встречах. Они относятся ко времени моей работы в МХАТе — с 1927 по 1936 год.

Однажды мы, группа молодых актеров Художественного театра, занимались с Константином Сергеевичем Станиславским на его квартире в Леонтьевском переулке. В середине урока Станиславского попросили к телефону. Через несколько минут он возвратился в зал и объявил, что сегодня приедет в театр Алексей Максимович Горький смотреть спектакль «Бронепоезд» и, вероятно, зайдет за кулисы.

В этот вечер мы не раз нарушали строжайшую мхатовскую дисциплину: временами наше внимание невольно переключалось со сцены на ложу, где сидел писатель.

Кончился спектакль. Алексей Максимович за кулисами. Он обнимает Качалова, пожимает руки другим участникам спектакля. К Горькому подходят старые технические работники театра — капелъдинеры, сторожа, портные, рабочие сцены — все те, с кем Алексей Максимович встречался двадцать, двадцать пять лет назад, когда репетировали его пьесы «Мещане» и «На дне». Нелзя было не удивляться изумительной памяти Алексея Максимовича. Он помнил всех самых маленьких работников театра по имени и отчеству, вспоминал мельчайшие подробности генеральных репетиций, спектаклей.

Через четыре года мне снова довелось встретиться с писателем. Художественный театр в то время готовил инсценировку «В людях», подготовленную драматургом Сухотинным при ближайшей помощи Алексея Максимовича по его автобиографическим произведениям «Страсти-мордасти», «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Двадцать шесть и одна». Я играл тогда дядю Алеши Пешкова — Михаила Капирина. Алексей Максимович собирался прийти на репетиции, но болезнь помешала ему. На втором спектакле стало известно: сегодня Горький будет в театре. Все страшно волновались.

Кончился спектакль. Горький пришел за кулисы. Он долго говорил с актерами, долго смотрел на актрису, исполнявшую роль его любимой бабушки. Чувствовалось, как много воспоминаний об ушедшем пронеслось в памяти писателя.

Алексей Максимович особенно восторгался игрой Тарханова, исполнявшего роль Семена — хозяина булочной. Горький сказал Тарханову: «Вы до того убедительны, что у меня уж начинается путаться настоящий Семенов с сы-

гранным вами, несмотря на внешнее различие».

Наконец, очередь дошла до меня. Я очень волновался. Алексей Максимович, видимо, заметил это и, улыбаясь, сказал: «А дядя Михайло лаковых сапог не носил» (я был в лаковых сапогах). Дальше он сделал несколько замечаний по существу образа и ярко, в нескольких словах, рассказал об одном эпизоде в красивой, затем добавил: «Больше всех я боялся дядю Михаила. Жестоким был человек».

Алексей Максимович говорил медленно. Воспоминания о близких сильно волновали его. Прощаясь с нами, он сказал: «Обязательно напишу новую пьесу для Художественного театра». Мы проводили Горького до машины. У ворот театра собралось очень много людей — москвичи горячо приветствовали писателя. С трудом пробираясь к машине, Алексей Максимович полуссутя ворчал: «Ну чего вы не видите? Такой же человек из мяса и костей».

Горький сдержал слово: через год он нам читал свою новую пьесу «Достигаев и другие». Навсегда запомнилось мне изумительно образное чтение Алексея Максимовича. Пьеса всем очень понравилась. Но сам Алексей Максимович был чем-то не удовлетворен в ней, и эта его исключительная требовательность художника к себе произвела на нас не меньшее впечатление, чем совершенство пьесы.

В. И. Качалов, А. М. Горький, К. С. Станиславский за кулисами Художественного театра. 1928 г.